

На правах рукописи

ЭРКЕНОВА Амина Нюр-Магомедовна

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МИФОЛОГИЗАЦИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ФЕНОМЕНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ И
АНГЛОСАКСОНСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Ставрополь – 2024

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

- Научный руководитель** **Бредихин Сергей Николаевич**
доктор филологических наук, профессор
- Официальные оппоненты** **Воркачев Сергей Григорьевич**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», профессор кафедры иностранных языков № 1
- Геляева Ариука Ибрагимовна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания
- Ведущая организация** ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»,
г. Майкоп

Защита состоится «04» марта 2025 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.398.06 при ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корпус 20, аудитория 312.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» по адресу: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1, <https://ncfu.ru/upload/medialibrary/353/nzhjne0bmukc03065yootjc2vz89eexn/Dissertatsiya-Erkenova.pdf>

С авторефератом можно ознакомиться на сайте СКФУ: <https://ncfu.ru/nauka/dissertatsionnye-sovety/obyavleniya-o-zashchite-dissertatsiy/30047/>

Автореферат разослан «_____» декабря 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

М.В. Каменский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема исследования мифологизации ментальных и реальных пространств в архетипических текстах, основанных на попытке структурирования и экспликации пралогического сознания, привлекает внимание исследователей различных направлений (философов, психологов, культурологов, лингвистов и др.). Миф играл первостепенную роль в развитии и становлении различных этносов, полностью регламентируя жизненный уклад людей. Сегодня можно наблюдать отголоски этого влияния в различных сферах человеческого бытия, в том числе и в языке. Миф представляет собой сложную лингво-семиотическую структуру, тесно связанную с реалиями быта, профанными знаниями о мироустройстве, основами естественнонаучных знаний, религиозными убеждениями – всей палитрой социокультурной жизни того или иного сообщества. Жизненный уклад архаичных патриархальных сообществ регламентировался обрядами и традициями. В мифах находят отражение церемонии, связанные с этапами рождения, взросления, с созданием семьи и воспитанием детей, переходом в мир мертвых; миф отражает когнитивную деятельность человека по концептуализации, категоризации мира, героизации реальных и фикциональных героев и событий.

Мифология является своего рода коллективным бессознательным, которое формирует наши представления о мире и о самих себе. Мифы обладают способностью идентифицировать этнокультурное сообщество, транслируют ценности, нормы поведения и традиции, помогающие человеку осмыслить окружающий мир. Мифологические рассказы обладают символическим значением и дают возможность понять сложные концепции в простых и доступных образах.

Мифологизация практикоцентрических и рефлексивно-детерминированных феноменов представляет собой один из наиболее значимых лингвокогнитивных механизмов формирования и трансформации картин мира (концептуальной и языковой), который дает возможность воспринимать, интерпретировать и в конечном счете понимать окружающий мир. Существование мифов не противоречит научному мышлению, а дополняет его, создавая уникальные образы

и символы, которые помогают формировать, транслировать и модифицировать мировоззрение целых лингвокультурных сообществ.

Все это позволяет утверждать, что проблема выявления и анализа лингвокогнитивных механизмов мифологизации является **актуальной** не только для объяснения процессов первичного когниоречевого структурирования картин мира, но и в аспекте влияния на современные когнио- и аксиосферы конкретных лингвокультурных сообществ. **Актуальность** исследования подтверждается также важностью выявления базовых и этноспецифичных механизмов и стратегий мифологизации в эпических текстах различных культур.

Степень разработанности проблемы. Интерес к данной теме объясняется не только актуальностью изучения процессов формирования мифов и легенд в архаичных сообществах, а также их дальнейшей динамики в процессе смены эпистем, но и важностью понимания влияния мифологии на модели поведения, убеждения и ценности конкретных этнокультурных сообществ. Мифологизация как явление имеет широкий спектр проявлений: от культурных мифов и сказаний до мифологизации исторических событий, бытовых явлений и событий.

Ученые различных областей знаний – философии, культурологии, литературоведения, психологии и др. – проводят исследования, направленные на выявление механизмов мифологизации, анализ последствий этого процесса, находящих отражение в языке и речи.

Так, исследованию мифа посвящены труды следующих ученых: Ш. В. Батыршин (2019), А. Белый (1994), С. И. Блюмхен (2013), М. В. Ивченко (2006), Г. Н. Крайнов (2020), С. А. Кошарная (2008), Е. М. Мелетинский (1998), В. М. Найдыш (2023), Ф. Ницше (2012), Т. С. Соколова (2010), Л. О. Свиридова (2023), М. И. Стеблин-Каменский (1976), Т. В. Субботина (2011), Е. В. Тега (2016), L. Nonko (1972), Э. Ф. Шафранская (2008), Н. В. Шестеркина (2011), А. С. Цыганков (2014), Т. Чернышева (1985), М. Элиаде (2010), R. Vuxton (2010).

Анализ средств экспликации лингвокультурного типажа в мифологических текстах осуществлен в работах В. В. Виноградова (1980), О. А. Дмитриевой (2005, 2021), В. И. Карасика (2002, 2005, 2006), Ю. Н. Караулова

(2010), Е. Г. Кошкиной (2009), В. А. Масловой (2001), О. В. Лутовиновой (2009), Ю. С. Степанова (2001), А. Е. Ярмаховой (2006).

Достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной научной литературе получила мифологическая диалектика света/тьмы, добра/зла в работах Ю. И. Ефремовой (2021), А. С. Изволенской (2023), Э. Кассирера (2002), В. В. Крашенинникова (2022), А. Ф. Лосева (2022), W. Burkert (2010), R. G. Edmonds (2010), N. Marinatos (2010).

Исследованию лингвокультурного концепта посвящены труды С. А. Аскольдова (1997), С. А. Баруздиной (2007), В. Гумбольдта (1984), В. З. Демьянкова (2001), В. И. Карасика (2006), Л. В. Кузнецовой (2005), Д. С. Лихачева (1997), О. А. Плаховой (2013), О. Б. Сиротининой (1998), А. Соломоники (1995), Г. Г. Слышкина (2004), Н. А. Холодной (2002).

Особый интерес для нашей работы представляют немногочисленные исследования французского эпоса: Ж. Ванье (2007), З.Н. Волкова (2020), И. В. Ершова (2015), К. Ловернья-Ганьер (2007), А. Д. Михайлов (1995), А. Попер (2007), И. Сталлони (2007), М. К. Сабанеева (2001), А. Б. Щербакова, М. М. Castellani (2000), Н. Т. Norris (1989).

Исследованием нартского эпоса занимались такие ученые, как Х. М. Акбаев (2010), А. И. Алиева (2012), М. А. Ахматова (2010), С.Х. Анчек (2019), У. З. Байрамуков (1995), К. К. Бауаев (2015), К. Б. Бекулова (2016), Л. С. Гергокова (2015), А. С. Гончаров (2020), О. С. Макарова (2020), Х. Х. Малкондуев (2018), Т. М. Хаджиева (2015), М. А. Хоконов (2009).

В исследовании мы прибегали к работам, посвященным изучению англосаксонских мифов таких авторов, как П. Акرويد (2022), М. П. Алексеев (1984), Б. Р. Напцок (2010), Е. М. Мелетинский (1984), Е. А. Мельникова (1987), М. Олдаус-Грин (2021), G. R. Owen-Crocker (2000), W. Reynolds (1978), L. M. Carruthers (2011).

Большинство существующих исследований фокусируются на анализе отдельных мифологических элементов или сравнении различных эпических текстов, не уделяя должного внимания процессам мифологизации как системного

явления первичной концептуализации и категоризации мира. Понимание механизмов создания и распространения мифологем как пралогических элементов концептуализации позволит раскрыть имплицитные значения и символику для понимания культурных особенностей и ценностей того или иного этноса. Исследование мифологизации этнокультурных феноменов проливает свет на процессы формирования национальной идентичности, способствуя более глубокому пониманию связи мифа и реальности.

Объектом исследования выступают универсальные и специфичные этнокультурные феномены, репрезентированные в мифологизированном представлении в эпических текстах различных лингвокультур и вербализуемые на основе разноструктурных языковых систем.

Предметом исследования являются лингвокогнитивные механизмы мифологизации этнокультурных феноменов в аспекте концептуализации и категоризации базовых аксиологем рассматриваемых сообществ.

Цель исследования – выявление ключевых способов мифологизации и мифонимизации элементов рефлексивных пространств различной детерминации в эпических текстах как пространстве первичной систематизации социокультурно маркированного мировидения.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих **конкретных задач**:

- рассмотреть миф как проблему когнитивно-феноменологического анализа;
- обосновать делимитацию мифологизации и мифонимизации как основных аспектов общего пространства мифотворчества;
- охарактеризовать актуализацию и символизацию ключевых дихотомий первичной категоризации мира в мифологическом речекогнитивном представлении;
- выявить специфику экспликации архетипической оппозиции «свет – тьма» в мифологическом представлении и проанализировать её экстраполяцию в практикоцентрическое и религиозноцентрическое пространство;

- описать праологические аспекты некритической концептуализации как способа мифологизации исторических событий;

- выявить и описать симпрактические, мифологические и религиозноцентрические основания механизмов мифологизации в карачаево-балкарской, французской и англосаксонской эпической литературе.

- определить универсальные и лингвокультурно специфичные механизмы мифологизации и мифонимизации в разноструктурных мифологических пространствах.

Эмпирическим материалом для исследования послужили тексты карачаево-балкарских, старофранцузских и англосаксонских эпосов: «Нартла» («Нарты») (VIII - VII вв. до н. э.), *Le pèlerinage de Charlemagne* («Путешествие Карла Великого в Иерусалим и Константинополь») (XII в.), «Doon de Maïence» («Дун де Майенс») (XIII в.), «*La Chanson de Roland*» («Песнь о Роланде») (IX-X вв.), «*Gaufrey*» («Гофрей») (XIII в.), «*Beowulf*» («Белвульф») (VII-VIII вв.). Переводы контекстов, приводимых в диссертации, выполнены автором работы.

В методологическом плане настоящее исследование выполнено в рамках антропоцентрического подхода, акцентирующего внимание на когнитивной деятельности человека в период формирования самосознания народов и динамической идентификации элементов аксиологического и концептуального пространств.

Согласно принципу системности, в ходе анализа были использованы следующие **методы**: описательный, заключающийся в выделении характерных для данного типа текста лингвистических особенностей; дискурсивно-когнитивный подход, включающий концептуальный, дефиниционный, лингвокультурный и интерпретационный анализ и нацеленный на изучение содержательной структуры, вербализованных мифологем и мифонимов, функционирующих в эпических текстах различной эпистемической детерминации, а также их места в иерархии базовых компонентов концептуальной и аксиологической картин мира; сравнительно-сопоставительный метод, направленный на сравнение явлений, объектов, процессов с целью обнаружения

и выявления характеристик, сходств и различий в способах мифологизации этнокультурных феноменов в различающихся лингвокультурах.

Теоретической базой послужили труды ученых, посвященные таким проблемам, как:

1) ментальные пространства и когнитивные модели: Н. Ф. Алефиренко (2016), С. А. Анисимова (2016), С. Х. Анчек (2019), С. Н. Бредихин (2018), Е. Л. Боярская (2022), Е. В. Дубовая (2015), В. И. Заботкина (2022), Кузьмина М. Ю. (2013), Ю. М. Лотман (1988), М. Б. Раренко (2008), Т. С. Соколова (2010), Н. А. Стадульская (2010), Т. В. Субботина (2011), Н. В. Шестеркина (2012);

2) языковые, концептуальные и аксиологические картины мира: С. А. Баруздина (2007), А. В. Бастриков (2012), Л. В. Джимбеева (2016), В. И. Карасик (2005), О. В. Набирникова (2014), Л.Х. Самситова (2011, 2012), Е. В. Серебренникова (2011), В. А. Черванева (2004);

3) концептуализация и категоризация: Е. М. Абышева (2008), Е. В. Бодрова (2016), С. Н. Бредихин (2021), О. В. Голубева (2010), А. С. Гончаров (2020), В. И. Карасик (2002), Л. А. Касьян (2010), А. Н. Кохичко (2019), Е. Г. Кошкина (2009), О. С. Макарова (2020), З. Д. Попова (2007), М. А. Садыкова (2007), Л. Х. Самситова (2011), Г. Г. Слышкин (2004), Ю. С. Степанов (2001);

4) мифологизации и ремифологизации: С. И. Блюмхен (2013), М. В. Ивченко (2006), Б. А. Коломакина (2019), К. Леви-Стросс (1994), Е. М. Мелетинский (2000), В. М. Найдыш (2023), М. Олдхаус-Грин (2021), Е. Я. Режабек (2018), С. А. Трубецкой (2019), М. А. Хоконов (2009), А. С. Цыганков (2014), К. Юнг (1996), R. Vuxton (2010), E. D. Karakantza (2010), R. Seaford (2010);

5) мифонимы и мифологемы: Л. В. Валеева (2011), В. А. Гончарова (2019), З. С. Гусейханова (2022), А. А. Кочкин (2019), И. Н. Ломакина (2015), Р. А. Ниязалиева (2021), О. А. Плахова (2013), Е. С. Степанова (2023), Ф. М. Таказов (2014), Э.Х. Шихалиева (2022);

6) специфика эпических текстов: Х. М. Акбаев (2010), А. И. Алиева (2012), У. З. Байрамуков (1995), З. Н. Волкова (2020), М. Ч. Джуртубаев (2013), М. Е. Мелетинский (1974), А. Д. Михайлов (1995), В. Я. Пропп (2021), М. К.

Сабанеева (2001), Т. М. Хаджиева (2015), А. Б. Щербаков (2006), J. Allard (2014), P. Battles (2014), С. Heatt (2010), P. Leverage (2006), R. North (1997, 2014), А. Moisan (1986), С. Roussel (2005).

Гипотеза исследования строится на обоснованном предположении о социокультурной, исторической и этноментальной детерминации механизмов мифологизации соответствующих (бытовых, хтонических и религиозных) областей ядерных эпистем патриархальных сообществ, а также об облигаторности их закрепления в структуре эпического повествования как системном представлении пралогического знания, норм и традиций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основой структурирования мифологического пространства служит концептуализация и дихотомическая оппозитивная категоризация феноменов объективного мира, воспринимаемых и интерпретируемых на основе пралогического аморфного анализа. Связывание полярных элементов архетипической оппозиции «свет – тьма» с мифологизируемыми явлениями и мифонимизируемыми собирательными образами осуществляется с опорой на доминирующую в конкретной лингвокультуре эпистему.

2. Эпический текст представляет собой наиболее адекватную форму системного представления мифологических концептуальной и аксиологической картин мира, обеспечивая иерархическое описание наиболее значимых областей когниции патриархальных архаических лингвокультурных сообществ. В структурном плане эпос характеризуется изложением сюжета в форме повествования, четким разделением на части или главы, наличием описаний персонажей, мест действия и событий, использованием эпического стиля. Ключевыми лексико-стилистическими особенностями эпического текста являются: 1) эпический стиль речи, характеризующийся увеличенной эмоциональностью, масштабностью, торжественностью и грандиозностью; 2) использование архаичных слов и выражений; 3) обилие эпитетов, метафор, кеннингов, аллитерации; 4) четкое разграничение речи персонажей и авторской речи, что позволяет создать непосредственную атмосферу действия и подчеркнуть

индивидуальные особенности героев; 5) применение повторов, параллелизмов для ритмизации текста и подчеркивания его гимнической природы.

3. Мифологизация этнокультурных феноменов карачаево-балкарского эпоса производится в рамках предметной симпраксической концептуализации. Мифологемы и мифонимы, структурирующие архаичную картину мира горского сообщества, базируются на значимых для бытового дискурса характеристиках познаваемых феноменов и героизации категоризованных действий в объективной и псевдообъективной реальности. Так, специфическими лингвокогнитивными механизмами в Нартиаде выступают мифонимизация женщины; ритуализация быта героев, эпизация магических способностей, мифологизация патриотизма. Герои эпоса обладают сверхъестественными способностями, такими как невиданные силы, магические предметы и животные, путешествие в иные миры, социокультурные ценности. Мифология «Нартов» сочетает в себе социокультурные ценности и нормы, такие как преданность семье, верность и честь. Этнокультурные типажи, характеризующие рассматриваемую лингвокультуру, представлены следующими мотивированными образами: нарты-богатыри, эмегены, алмосту, кьуртха, тейри.

4. Лингвокогнитивные механизмы мифологизации культурно-специфичных реалий англосаксонского патриархального общества обусловлены политеистической хтонической категоризацией. Для англосаксонской лингвокультуры характерны олицетворение природы, метафоризация и персонификация богов, мифологизация страха, индивидуализация подвигов, метафоризация воды, фатализация судьбы. На основе приписывания общих спецификаторов «иномирного», человеческого и божественного в англосаксонском эпосе можно выделить следующие мифологемы: борьба между добром и злом, сверхъестественные события, подвиги и жертвы, змеборство и мифонимы Беовульф, Грендель, король Хротгар, Унферт и др. В целом, мифологизация данного лингвокультурного сообщества описывается в терминах бытийной дискурсивизации.

5. Наиболее структурированным представляется пространство мифологизации старофранцузского эпического текста, основанного на экспликации монотеистического религиозного сознания. Бытийственные характеристики этнокультурных феноменов осуществляются в рамках ремифологизации в процессе соотнесения их с христианскими догматами, вследствие чего проявляется псевдорациональная аргументация ключевых мифологем рыцарство и доблесть, любовь и преданность, борьба христианства с иноверием, и мифонимов Карл Великий, архиепископ Турпин, Оливье, Ожье Датчанин, Роланд, Гийом Оранжский, Гугон и др. В старофранцузских эпических текстах мы встречаем такие механизмы, как героизация рыцарства, символизация и трансляция религиозных ценностей, персонификация пороков и добродетелей, мифологизация исторических событий.

6. Универсальными лингвокогнитивными механизмами мифологизации выступают аллегоризация света и тьмы, символизация цвета и героев, трансформация пространственно-временного континуума, аллюзия на авраамические религии. Специфическими лингвокогнитивными механизмами в Нартиаде выступают мифонимизация женщины; ритуализация быта героев, эпизация магических способностей, мифологизация патриотизма. Для англосаксонской лингвокультуры характерны олицетворение природы, метафоризация и персонификация богов, мифологизация страха, индивидуализация подвигов, метафоризация воды, фатализация судьбы. В старофранцузских эпических текстах мы встречаем такие механизмы, как героизация рыцарства, символизация и трансляция религиозных ценностей, персонификация пороков и добродетелей, мифологизация исторических событий.

Научная новизна работы обусловлена многоаспектным описанием лингвокогнитивных механизмов мифологизации этнокультурных феноменов, выявлением их эпистемических оснований в процессе экспликации пралогического мышления. Впервые произведен сравнительно-сопоставительный анализ карачаево-балкарских, англосаксонских и старофранцузских эпических текстов как пространств системного представления практико- и религиозно-

центрических концептуальных картин мира. Установлено, что карачаево-балкарский эпос больше сосредотачивается на коллективной идентичности, французский – на личных и духовных идеалах, англосаксонский – на столкновении сил и искаженном восприятии судьбы. Данные основы мифологизации исследованы в работе в качестве этнокультурно маркированных областей рефлексивного опыта, что дало возможность определить лингвокультурные механизмы мифологизации исследуемых лингвокультур как симпрактически ориентированные для карачаево-балкарского эпоса, политеистически и хтонически ориентированные для англосаксонского, религиозно ориентированные для старофранцузского. В работе также представлен новый методологический подход к изучению мифологизации, основанный на применении контаминированного дискурсивно-когнитивного анализа к исследованию архаичных форм когниоречевой деятельности, который позволил определить не только семантическое содержание мифологических образов, но и их динамику в зависимости от модификации эпистемических доминант, а также особенности их восприятия и интерпретации представителями различных культур.

Теоретическая значимость определяется вкладом, который настоящее исследование вносит в современную концептологию, когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, расширяя имеющиеся знания относительно механизмов мифологизации феноменов как компонентов концептуальных картин мира и влияния на них этноспецифического контекста. Результаты анализа дополняют новыми наблюдениями представление об этнокультурных феноменах и генерализованных образах, представленных в эпических текстах. Исследование также может пролить свет на роль исходных пралогических оснований взаимосвязи языка, культуры и когнитивных процессов, что важно для понимания как культурно и эпистемологически маркированных, так и универсальных общечеловеческих механизмов концепто- и текстопорождения.

Результаты исследования позволяют более глубоко понять процессы формирования самосознания народов, а также влияние когнитивной деятельности на процесс культурной идентификации.

Настоящее исследование имеет **практическую значимость** для различных областей, связанных с изучением истории, культуры и языковой политики народов, а также может быть использовано при разработке практических рекомендаций органов государственной власти для реализации мероприятий по сохранению культурного разнообразия. Кроме того, основные выводы и результаты диссертационного исследования могут применяться при чтении вузовских курсов по лингвокультурологии, филологическому анализу художественных текстов, древних языков и культур, теории межкультурной коммуникации, а также в рамках аспирантских курсов по психолингвистике, лингвопрагматике, дискурсологии.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается актуальной теоретико-методологической базой, доказанными положениями на защиту, репрезентативностью и социокультурной значимостью эмпирического материала, использованием адекватных методов его многоаспектного анализа.

Апробация. Результаты исследования регулярно представлялись на международных (Нижний Новгород 2024; Ставрополь 2024) и всероссийских (Краснодар 2023; Ставрополь 2024) научно-практических конференциях. По теме работы опубликовано 9 научных статей, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы и источников материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит обоснование актуальности исследования, формулировку его объекта, предмета, цели и задач, положений, выносимых на защиту, а также описание научной новизны, теоретической и практической значимости работы.

В **первой главе** «Лингвокогнитивные механизмы мифологизации» произведен критический обзор литературы по теме исследования, уточнено определение мифа, а также пралогического мышления, обосновано рассмотрение лингвокультурного типажа, так как он акцентирует внимание на культурной

диагностической значимости типизируемой личности, что подразумевает её способность передавать и интерпретировать культурные ценности и нормы.

С когнитивной точки зрения, мифы рассматриваются как формы знания, служащие для объяснения и описания мира, включающие различные символы, метафоры и нравственные законы, которые формируют понимание реальности. С феноменологической точки зрения, мифы рассматриваются как выражение наших переживаний и восприятия мира. Они могут помогать организовывать наш опыт и смысл нашей жизни. Несмотря на выполнение роли первичного структурирования и концептуализации феноменов познаваемого мира, мифы являются источником заблуждений псевдостереотипов и предубеждений, действуя в аксиологических и когнитивных пространствах, ограничивают и подавляют потенциал критического мышления, столь важного для формирования адекватной картины мира. Распредмечивая мифологические рассказы буквально, мы упускаем возможность разобраться в глубинных смыслах. Мифы являются продуктом человеческого творчества и отражают определенную эпоху или культурный контекст.

Многие исследователи видели в мифе, прежде всего, его сакральность, – миф является источником, повествующим о событиях, носящих священный характер. В мифе содержится информация о том, что произошло на самом деле, при этом, действующие лица, как правило, обладают сверхчеловеческими качествами (Элиаде, 2010, с. 3). Миф представляет собой рассказ, который независимо от того, где бы он не зародился и передавался, не подлежал сомнению (Стеблин-Каменский, 1976, с. 2). Со временем миф лишается своего обрядного, культового значения и приобретает форму предания, легенды, содержание рассматривается как поучительное или же как результат осмысления опыта. Мифы обычно содержат символический и метафорический смысл, который помогает людям понять мир вокруг себя и свою собственную жизнь, служат для установления социальных норм, ценностей и обычаев. Отмечается, что многие народности «проводят четкую грань, различающую миф – “сказание истинное” и те рассказы и сказки, которые они относят к “сказаниям вымышленным”» (Элиаде, 1995, с. 17).

А. Ф. Лосев предлагает рассматривать миф с точки зрения самого мифа. Как пишет автор, «не зная, что такое миф сам по себе, мы не можем говорить и о его жизни в той или другой иноприродной среде. Надо сначала стать на точку зрения самой мифологии, стать самому мифическим субъектом» (Лосев, 2022, с. 57). Без понимания сути и сущности мифа, мы не в состоянии полностью осознать и вникнуть в его многогранную жизнь в различных мирах.

В нашем исследовании под *лингвокогнитивными механизмами мифологизации* мы понимаем совокупность когнитивных процессов и лингвистических средств, через которые происходит формирование, трансформация и восприятие мифологических нарративов в контексте культуры. Эти механизмы включают в себя преобразование абстрактных концептов в символические формы, структурирующие опыт в соответствии с универсальными схемами человеческого познания, а также использование языковых, способствующих созданию и распространению мифов. Важными аспектами являются взаимодействие между языком и сознанием, влияние культурных контекстов на процесс мифологизации, что обуславливает вариативность мифа.

Термин «пралогическое мышление» был введён французским антропологом Люи Леви-Брюлем и получил дальнейшее развитие в работах В.И. Карасика. Леви-Брюль, исследуя мышление представителей доцивилизованных обществ, предложил концепцию, согласно которой оно характеризуется преобладанием интуитивных и ассоциативных процессов над логическими.

В.И. Карасик, в свою очередь, расширил и углубил данную концепцию, рассматривая её в контексте когнитивных и культурных аспектов мышления, а также исследуя её влияние на восприятие и интерпретацию окружающей действительности (Карасик, 2024, с. 142). Элементы пралогического мышления проявляются в повседневной практике каждого человека, и существует ряд культурных сфер, где данный тип осмысления действительности оказывается доминирующим, особенно в области искусства. Мифологическое мышление неотъемлемо связано с дискретно-дискурсивным, так естественно-бытовая (наивная) картина мира переплетается с научной.

В современной лингвистике мифологема рассматривается как культурный концепт, элемент мифологической картины мира, концепт со своеобразным историко-культурным смыслом. Важно отметить, что мифологему можно рассматривать как особую лексическую единицу, отличающуюся от обычных слов и несущую в себе мифическую значимость. Так, А. Н. Круталевич пишет, что «множество вариантов употребления термина “мифологема” можно условно разделить на три группы: представление о мифологеме как о синониме архетипа (Т. В. Бовсуновская), рассмотрение мифологемы в качестве минимальной структурной единицы мифа, “атома мифа” (С. Ю. Гуцол) и понимание мифологемы как конкретного воплощения архетипа (Ю. В. Вишницкая, В. А. Маслова, Ю. А. Иванова, О. В. Коляда)» (Круталевич, 2016, с. 12). Мифологема – определенный образец или элемент мифологии, который встречается в различных мифах и легендах, олицетворяет определенные идеи, ценности или архетипы, и имеет символическое значение для культуры или общества.

В нашем исследовании мы относим лингвокультурные типажи к варианту концепта. Иерархизация компонентов в структуре мифологического концепта зависит от степени детализации и категоризации этих компонентов. Установление наиболее высокоиндексной семы осуществляется на основе степени детализации описания в горизонтальном контексте.

Во **второй главе** «Вербализация исторического и мифологического аспектов мировосприятия в эпических текстах» обосновывается важность синергии исторической и мифологической составляющих в формировании мировосприятия, транслируемого в мифе. Отмечается, что мифология не только служит фоном для исторических событий, но и активно участвует в их интерпретации, внося в текст глубину и многозначность, анализируются базовые дихотомии в структурировании концептуально-валёрного пространства мифа.

«Свет и тьма – одна из основных оппозиций в мифологической модели мира, традиционно она соотносится и с такими антиномиями, как добро и зло, космос и хаос, верх и низ и т.д.» (Ефремова, 2021, с. 81). Свет символизирует знание, истину, порядок, жизнь, добро, тогда как тьма представляет собой

неведение, ложь, хаос, смерть, зло. В различных мифологиях свет обычно ассоциируется с богами, божественностью, а тьма – с демонами, чудовищами или силами Зла. Эта оппозиция прослеживается в различных мифологических системах и религиях, начиная от древнегреческих мифов, до библейских мотивов, где свет символизирует божественную мудрость, а тьма – грех и раздор.

Использование символов света и тьмы в мифах задает определенный вектор интерпретации мира, выражает основные противоречия и конфликты, которые существуют в человеческом обществе, помогают формировать особое сознание и мировоззрение разных культур и народов.

А. Белый пишет, что противоречие между нравственностью и красотой может проявляться в различных аспектах. Оно связано с противоречием между волей и созерцанием. Волевые действия и принятие этических решений могут противоречить стремлению к красоте и гармонии, которые часто требуют пассивности и отказа от активных действий (Белый, 1994, с. 223). Существующие формы бытовой морали, которые основаны на традициях и обычаях, не всегда способны укладываться в противоречие между нравственностью и красотой. Подобные аспекты столкновения волюнтаристического и морально-нравственного пространств эксплицируются в мифе также в рамках использования символики света и тьмы.

В нашем исследовании мы обращаем внимание на экспликацию элементов чудесного в мифических текстах. Миф и история имеют сложные взаимосвязи, их грани часто размываются, и они переплетаются, мифы были первоначальным способом объяснения окружающего мира и природы, а также формирования ценностей и установок для общества. История, в свою очередь, представляет собой фиксацию прошлых событий и их интерпретацию, основанную на документальных источниках. Размытие границ между мифом и историей приводит к тому, что миф воспринимается как исторические события, в то время как исторические факты могут стать основой для создания мифов или легенд. История может быть пропущена через призму мифологии, что приводит к формированию субъективных искаженных представлений о прошлом.

Г. Н. Крайнов пишет, что «мифологическая интерпретация истории основывается на мифологемах устойчивых сюжетах, образах об “идеальном обществе”, “идеальном человеке” в прошлом или будущем» (Крайнов, 2020, с. 365). Миф несет символику, которая помогает человеку понять исторические события и их значение для человечества, содержит архетипы и символы, описывающие реальные события в схематизме. Например, миф о жертве божества, принесшей процветание людям, может быть ассоциирован с историческими событиями, в результате которых было достигнуто благополучие общества. Таким образом, мифологическая интерпретация истории позволяет увидеть исторические события в новой перспективе, экстраполировать его на современное общество.

Согласно Л. О. Свиридовой, «чудо неизменно осмыслялось как сама суть мифа. Чудо – то, что видится непосредственно, это – диво, а оно подразумевает свидетеля, участника чудесного события, для которого со всей самоочевидностью прервался профанный, обыденный ход времени и порядок вещей» (Свиридова, 2023, с. 55). Чудесные элементы играют важную роль в мифологизации исторических событий, поскольку они добавляют элементы волшебства и необычности, создают эпическое и загадочное представление о прошлом. Способами мифологизации истории с использованием элементов чудесного являются:

1. Волшебные существа и герои, которые становятся ключевыми персонажами в мифологических рассказах. Исторические фигуры могут быть мифологизированы, представлены как герои или в облике волшебных существ, чтобы усилить их значимость и создать модельный образ.

2. Магия и заклинания, используются для объяснения непостижимых событий или явлений. Мифологические тексты представляют исторические события как результат действия магических сил или способностей, что добавляет элемент таинственности и загадочности.

3. Путешествия в другие миры или измерения, используются для прояснения необычных событий или контакта с силами или существами, которые лежат вне рамок обычного человеческого опыта.

4. Предсказания и пророчества, которые влияют на ход истории, транслируют идею, что исторические события подчиняются высшей воле.

5. Символы и метафоры, аллегоризация, – сказочные существа могут представлять различные аспекты человеческой природы или социальные интересы, помогая лучше понять смысл и значение описываемых событий.

Все эти элементы помогают превратить исторические события в эпические мифы, создающие сильные эмоциональные и духовные связи и стимулирующие фикциональное понимание прошлого.

Экспликация архетипических ценностей в различных культурах осуществляется в символах, ритуалах, обрядах, искусстве, литературе и т.д. Например, в одной культуре символом мира и гармонии может быть лотос, а в другой – дерево жизни. Понимание этнокультурной специфики экспликации архетипических ценностей позволяет адекватно оценить разнообразие культурного наследия и способов трансляции ценностей.

Архетипы – это врожденные, универсальные символические образы, которые влияют на наше поведение, мышление и чувства, помогая нам понять мир и себя. К. Юнг утверждал, что архетипы проявляются через мифы, сказания, обряды, искусство и сновидения, и что они играют важную роль в нашей жизни, помогая нам понять свое место в мире и связь с коллективным бессознательным.

Как утверждает М. Элиаде, «человек строит по архетипу. Небесные модели имеют не только город или его храм, но они есть у любой местности, с орошающими ее реками, с полями, дающими пропитание, и т. д., где живет человек» (Элиаде, 2000, с. 29). Таким образом архетип структурирует реальность. Обрядовая мифологизация помогает перенести дикие и необузданные силы природы в более управляемую и понятную форму. Таким образом, освоение диких земель в мифе становится не просто процессом эксплуатации ресурсов, но и символическим актом воссоздания мира и гармонии между человеком и природой, дает возможность человеку увидеть себя частью более крупной космической реальности и открыть для себя новые пути уважения и бережного отношения к окружающему миру.

Архетипы представляют собой неосознаваемые и универсальные образы, которые влияют на наши мысли, чувства и поведение. Они являются основой коллективного бессознательного и выражаются через символы, мифы, сюжеты и образы в искусстве, религии, литературе и других сферах культуры (Юнг, 1991, с. 139). Примерами архетипов могут быть «мудрый старец», «мать-жрица», «герой победитель», «темный властелин» и многие другие. Они выражаются в разных фигурах и образах и влияют на наше восприятие мира и наше поведение.

Архетипическая этнокультурная детерминация мифонимических компонентов отражает особенности и специфику культуры и этнонациональной идентичности народа. Мифонимические компоненты, такие как имена богов, героев, мифических существ и мест, воплощают в себе глубокие символические значения и представления о мире, которые являются частью коллективной памяти и мировоззрения народа. Архетипические образы и символы, закодированные в мифонимических компонентах, отражают уникальные особенности этнической группы, ее культурные и религиозные убеждения, историческое прошлое и современные ценности.

В **третьей** главе «Компаративный анализ лингвокультурной специфики мифологизации утилитарного и духовного аксиологических пространств» рассматриваются процессы мифологизации, происходящие в различных культурах, а также их влияние на восприятие утилитарных и духовных ценностей. Главное внимание уделяется тому, как мифологические элементы внедряются в повседневную жизнь, формируя представления о природе, человеке и его месте в мире.

В карачаево-балкарском обществе женщина всегда играла одну из ведущих ролей. Женщина была олицетворением заботы о семье и детях, а также была ответственна за уход за домом, приготовление пищи и выполнение других домашних обязанностей. Она обладала особым авторитетом в семье и принимала важные решения, касающиеся семейной жизни, играла заглавную роль в сохранении традиций и культуры народа. Матриархат в карачаево-балкарском обществе не только способствовал сохранению традиций и обычаев, но и

обеспечивал гармонию и стабильность в семье. Женщина считалась душой семьи и имела большое влияние на мужа и детей, что способствовало укреплению семейных уз. Л. Н. Гумилев пишет, что у тюрков, к которым относятся и карачаево-балкарский народ, было особое отношение к женщине – «сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу» (Гумилев, 2021, с. 85). Исламский историк Ат-Табари в своем труде «Chronique de Abou Djafar» пишет, что «у тюрков все дела решаются через женщин» (Tabari, 1867, р. 302). В карачаево-балкарской версии Нартиады прослеживается мифологизация женщины.

Например, в отрывке «Как Сатанай обхитрила Ёрюзмека» герой встречает по дороге чертей и пирует с ними. Среди них ему понравилась девушка, черти предлагают ее забрать с собой, на что Ёрюзбек отвечает, что ему надо посоветоваться с женой:

- *Сатанайдан сормай бир ишими да этмейме, – дейди,*
 – *Аны ыразылыгыын а алып келейим, – дейди (Нарты, 1994, с. 113).*
 – *Не спросив мнения Сатанай, я ничего не делаю,*
Съезжу к ней за благословением и вернусь (здесь и далее перевод
примеров наш – Э. А.).

В данном отрывке мы видим, что Ёрюзбек просит совета у Сатанай (женщины и жены), так как она является эталоном мудрости для нартов. Стоит подчеркнуть, что в отличие от других эпических произведений, где героиня ценится, главным образом, за ее красоту, в Нартиаде наравне с красотой Сатанай неоднократно отмечается ее благоразумие и дальновидность. Как пишет Ф.Т. Узденова, «в карачаево балкарском эпосе и фольклоре роль высшей женщины выполняет Сатанай». В национальной версии «Нартиады», лингвокультурный типаж «женщина» в его персонифицированном мифонимическом представлении – «Сатанай» максимально позитивизируется, она, можно сказать, «рафинировано позитивна, хотя в целом карачаево-балкарские сказания знают целый ряд “темных” женских героинь» (Узденова, 2015, с. 181). Несмотря на то, что Ёрюзбек имеет положение главы нартов, он ничего не предпринимает без совета Сатанай, что еще раз подчеркивает не только ее исключительное место в эпосе,

но и место женщины в социуме, что может говорить о матриархальных чертах, которые присутствовали в обществе. На основе символической значимости и высокой частотности пассажей, эксплицирующих одно из центральных мест женщины в концептуально-валёрной системе нартского общества, можно сделать вывод о структурирующей роли матриархальных отношений и их интенциональной экспликации в эпическом тексте.

Во многих французских эпических произведениях, таких как «Путешествие Карла Великого в Иерусалим и Константинополь», «Песнь о Роланде», наблюдается смешение христианских и древних языческих мифологических элементов. Это создает новую мифологию, в которой христианские идеи трансформируются и переплетаются с унаследованными культурными традициями. Поэма «Путешествие Карла Великого в Иерусалим и Константинополь» представляет собой интересный пример средневекового эпоса, в котором переплетаются исторические и мифические элементы. Поэма написана в традиционном двенадцатисложном ассонансированном стихе, что придает ей музыкальность и ритмичность. Важным аспектом поэмы является её связь с реальными историческими событиями и фигурами, такими как крестовые походы и развитие отношений между Западной Европой и Восточной Римской империей. Это делает произведение не только художественным, но и историко-культурным документом, который позволяет лучше понять мир того времени. В одном из отрывков транслируются элементы божественной дидактики и религиозной детерминации нравственности, характерные для эпохи. Карл Великий представлен как фигура, обладающая божественной благодатью, что подчеркивается его действиями и решениями, воспринимаемыми как выполняющие высшую волю.

Ont lu rei Hugun sus en la tur deplandre:

Sun tresor li durat, sil cundurats en France

E devendrat ses homes, de lui tendrat sun regne.

Quant l'entend l'emperere, pitet en a mult grande –

Envers humilitet se deit eom ben enfrandre –

E prnet a Jhesu que cele ewe remaignet .

Deus i fist grant vertut pur amur Carlemaigne:

L'ewe ist de la citet, si s'en vait par les plaines,

Rentret en sun canal, les rives en sunt pleines.

Des or put ben li reis jus de la tur descendre (Le pèlerinage de Charlemagne, 1925, p. 71).

С вершины башни раздается плачь короля Гугона:

«Я даю слово, что отдам сокровища, которые ты можешь увезти во

Францию,

Обещаю, что стану твоим вассалом,

Клянусь, что ты унаследуешь мое королевство».

Услышав речи Гугона, Император сжалился над ним;

Человек должен преклониться перед смирением,

И взмолился Карл Иисусу, чтобы обратил он реки вспять.

Бог свершил это великое чудо из любви Карлу Великому:

Вода покинула город и разлилась по равнине,

Реки вернулись в русла, берега восстановились.

Затем Карл велит королю спуститься с башни.

Использование партитивной косвенно-прямой речи в устах богоизбранных персонажей позволяет создать эффект непосредственной связи между земным и небесным, между человеческими деяниями и божественными замыслами. Такой подход не только подчеркивает святую миссию героев, но и помогает слушателю увидеть в их действиях не просто следование судьбе, но и активное выполнение заповедей, что создает образ истинного правителя и защитника веры.

Таким образом, поэма осуществляет попытку синтезировать человеческие достижения и божественное предназначение, демонстрируя, что Карл Великий не просто исполняет свою роль в истории, но и служит инструментом в руках Бога, что, в конечном счете, подчеркивает идею о связи власти и религиозной легитимации в средневековом обществе.

В «Беовульфе» можно увидеть этот конфликт двух мировоззрений. В поэме отражены не только христианские догмы, но и языческие черты, такие как

уважение к традициям своих предков. Так, пир как культурный и социальный феномен играет важную роль в англосаксонском эпосе и во многих других традициях. Он служил местом не только для утоления голода, но и для укрепления социальных связей, установления союзов и демонстрации статуса участников, трансляции историй и легенд. Это понимание пира, как ритуального действия подчеркивает его значение в жизни общества, где еда и питье становятся символами общения и единства.

*þa wæs eft swa ær
inne on healle
þryðword sprecen,
ðeod on sælum,
sigefolca sweg,
ofþæt semninga (Beowulf).*

*Устроили пир,
как в стародавние времена;
за столом раздались веселые крики,
смех и пение.*

Кроме того, совместные трапезы часто имели сакральный элемент, могли восприниматься как акт благословения и благодарения, что добавляло пиру особую духовную значимость. Пир не только удовлетворял физические потребности, но и служил важным социальным и культурным инструментом, способствующим укреплению идентичности и сплоченности социума.

Сравнительный анализ функционала мифологем и мифонимов в различных эпосах – карачаево-балкарском, французском и англосаксонском – является значимым аспектом исследования лингвокогнитивных процессов мифологизации, позволяющим выявить культурные особенности и общие черты в формировании мифов и легенд. Каждый из рассмотренных эпосов отражает уникальные традиции и ценности своего народа, и механизмы мифологизации, используемые в этих текстах, играют ключевую роль в передаче культурного наследия.

В карачаево-балкарском эпосе колдовство и магия часто ассоциируются с

народной мудростью и мифологическими представлениями. Легенды и сказания охватывают такие темы, как взаимодействие с природой, сила духов и предков. Колдовство может быть как положительным, так и отрицательным явлением: персонажи-колдуны могут направлять свои силы на защиту народа или, наоборот, на причинение вреда. Так, в карачаево-балкарской версии Нартиады Сатанай занимает особое место как владеющая даром ясновидения. Её способности предвидеть будущее и понимать скрытые смыслы событий делают её ключевой фигурой в этом эпосе. Использование таких эпитетов и кеннингов, как «вещая», «ведунья», «всезнающая», «ясновидящая» и «провидица», подчеркивает её роль не только как мудрой советчицы, но и как важного связующего звена между миром людей и миром сверхъестественного. Эти качества позволяют Сатанай влиять на судьбы героев, предоставляя им знания, которые помогают преодолевать трудности и принимать важные решения. При любой возможности нарты обращались к ней за помощью. Не редко Сатанай называют «обур», «кьуртха», «билиучу», «билгич», генерализованное значение которых (ведунья, колдунья), при этом, стоит отметить, что «обур» также подразумевает оборотня, что подчеркивает магическое свойство Сатанай превращаться в животных.

Например, в главе «Сатанай Ёрюзмекни кьалай алдагъанды» нарт Ёрюзмеку предложили ему жениться на гармонистке, но он решил посоветоваться сначала с Сатанай. В этом эпизоде иллюстрируются такие силы Сатанай, как ясновидение и волшебство.

Ёрюзмек салып обур Сатанайгъа баргъан эди, дейди.

Ёрюзмекни кьатыны кьуртха Сатанай, дейди,

Эшикни терк ачхан эди, дейди.

– Мен юйге кире уа турмайма, – дейди, –

Бир сорлугъум барды да, бир тынгылачы, – дейди.

Обур Сатанай а ишни билип тура эди, – дейди.

Ёрюзмекни, кьоймай, юйге кийирди, дейди.

Аны алдаргъа обур Сатанай, дейди,

Терезеден жулдузла кёрюнюп турурча этгенди, дейди (Нарты, 1994, с.

112).

Отправился Ёрюзмек к обур Сатанай.

Сатанай слыла ведуньей средь нартов.

Тут же открыла жена ему двери.

Не войду я в дом, говорит Ёрюзмек.

Надобно мне только спросить у тебя кое-что.

Сатанай же уже прознала зачем пришел Ёрюзмек,

уговорила его войти в дом.

Сделала так, что за окном сияли звезды,

что бы Ёрюзмек никуда не ушел.

В то же самое время во французских эпических песнях все что связано с колдовством, рассматривается как нечто отрицательное, пагубное. Колдовство ассоциируется с нарушением норм и моральных устоев, что может привести к разрушительным последствиям для общества и личности. Если волшебство используется персонажем, то это обычно связано с опасностью, предательством или даже предопределением трагической судьбы.

Такое отношение к колдовству интерпретируется как отражение страхов и предрассудков общества того времени, которое высоко ценило порядок, справедливость и моральные ценности, детерминированные христианскими догматами. Магические силы чаще всего используются злодеями, которые стремятся достичь своих эгоистичных целей, подрывая тем самым гармонию мира. Например:

Li emperere ad Sarraguce prise.

A mil Franceis funt ben cercer la vile,

Les sinagoges e les mahumeries;

A mailz de fer e a cuignees qu'il tindrent,

Fruissent les ymagenes e trestutes les ydeles

N'i remeindrat ne sorz ne falserie. (La Chanson de Roland, 1960, p. 276).

Император взял Сарагосу:

тысяча французов вошли город,

синагоги и мечети тщательно обыскали.

***Железными топорами разбивают образы и идолов:
да будет истреблено колдовство.***

В «Беовульфе» магия также ассоциируется с отрицательными персонажами. Эти персонажи олицетворяют силы зла и хаоса, и их магические способности подчеркивают их опасность и чуждость по отношению к человеческому обществу. Мать Грэнделя, в частности, представляет собой женский архетип, воплощающий угрозу и месть. В то же время герои, такие как Беовульф, обладают физической силой и благородством, они не пользуются магией для достижения своих целей. Это подчеркивает контраст между порядком и хаосом, добром и злом, маскулинностью и феминностью в поэме. Например, во время сражения с матерью Грэнделя Беовульф практически терпит поражение, но тут ему на помощь приходит Бог, направляя его к мечу.

rodera rædend, hit on ryht gesced

yðelice, syþðan he eft astod.

Geseah ða on searwum sigeeadig bil,

eald sweord eotenisc, ecgum þyhtig,

wigena weorðmynd; þæt wæs wæpna cyst,

buton hit wæs mare ðonne ænig mon oðer

to beadulace ætberan meahte,

god ond geatolic, giganta geweorc (Beowulf).

Владыка Небес разрешил его дело;

и воин легко поднялся.

Среди боевого снаряжения он увидел волшебный клинок,

старый меч великана, с надежным лезвием,

реликвию воинов, непревзойденное оружие,

только был он огромен,

другие воины не могли использовать его в бою,

поскольку его выковали великаны.

Таким образом, несмотря на общие черты, такие как борьба между добром

и злом, магические способности в рассматриваемых лингвокультурах вектор позитивизации или негативизации мифологизируемых этнокультурных феноменов различаются. Карачаево-балкарский эпос акцентирует внимание на связи с природой и предками, французский эпос исследует романтические и моральные аспекты магии, а англосаксонский эпос подчеркивает военные и героические побудительные мотивы.

В **заключении** обобщены результаты исследования и рассмотрены его перспективы. В работе рассмотрен миф как проблема когнитивно-феноменологического анализа, мифологизация и мифонимизация представлены как основных аспекта общего пространства мифотворчества. Охарактеризованы актуализация и символизация ключевых дихотомий первичной категоризации мира в мифологическом речекогнитивном представлении. Выявлена специфика экспликации архетипической оппозиции «свет – тьма» в мифологическом представлении и проанализирована её экстраполяция в практикоцентрическое и религиозноцентрическое пространство. Описаны пралогические аспекты некритической концептуализации как способа мифологизации исторических событий. Выявлены и описаны симпрактические, мифологические и религиозноцентрические основания механизмов мифологизации в карачаево-балкарской, французской и англосаксонской эпической литературе. Определены универсальные и лингвокультурно специфичные механизмы мифологизации и мифонимизации в разноструктурных мифологических пространствах.

Перспектива проблематики диссертационной работы определяется вкладом, который настоящее исследование вносит в современную концептологию, когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, расширяя имеющиеся знания относительно механизмов мифологизации феноменов как компонентов концептуальных картин мира и влияния на них этноспецифического контекста. Исследование также может пролить свет на роль исходных пралогических оснований взаимосвязи языка, культуры и когнитивных процессов, что важно для понимания как культурно и эпистемологически

маркированных, так и универсальных общечеловеческих механизмов концепто- и текстопорождения.

**Основные положения настоящего диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при
Министерстве науки и высшего образования РФ:*

1. Эркенова, А. Н. Мифологизация как средство представления идеализированной бытийности в эпических текстах / С. Н. Бредихин, А. Н. Эркенова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 498–504 (0,9/0,45 п.л.).

2. Эркенова, А. Н. Семиотическое пространство характерологических колорем в эпических текстах (на материале старофранцузского, древнеанглийского и нартского эпоса) / С. Н. Бредихин, А. Н. Эркенова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 1. – С. 92–103 (1,1/0,55 п.л.).

3. Эркенова, А. Н. О некоторых лексико-семантических особенностях создания художественных образов во французских героических поэмах (на примере поэмы «Путешествие Карла Великого в Иерусалим и Константинополь») / А. Н. Эркенова. – Текст: непосредственный // Казанский лингвистический журнал. – 2023. – Т. 6. – № 4. – С. 555–567 (0,6 п.л.).

4. Эркенова, А. Н. Лингвокультурная специфика мифологизации утилитарного и духовного аксиологических пространств (соотношение пралогических и рациональных элементов) / А. Н. Эркенова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 8 (889). – С. 137–143 (0,7 п.л.).

Статьи в других научных изданиях

5. Эркенова, А. Н. Прецедентные феномены в эпической поэме «Беовульф» как репрезентанты предкультуры англов / А. Н. Эркенова. – Текст: непосредственный // Континуальность и дискретность в языке и речи: Материалы IX Всероссийской научной конференции (Краснодар, 22–25 ноября

2023 г.). – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 66–69 (0,3 п.л.).

6. Эркенова, А. Н. Этнокультурная специфика экспликации архетипических ценностей в Нартиаде / А. Н. Эркенова. – Текст: непосредственный // Новый ориентир регионального развития – встраивание в Евразийскую экономическую перспективу: материалы XVIII Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 8–9 февраля 2024 г.). – Ставрополь: Институт Дружбы народов Кавказа, 2024. – С. 334–338 (0,2 п.л.).

7. Эркенова, А. Н. Антропонимический концепт как способ персонификации доминантных культурно-специфических феноменов / А. Н. Эркенова. – Текст: непосредственный // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации: сборник статей по материалам международной научной конференции (Нижний Новгород, 4–5 апреля 2024 г.). – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. – С. 334–340 (0,4 п.л.).

8. Эркенова, А. Н. Концептуализация и мифологизация локуса, темпуса и хаоса в эпических текстах / А. Н. Эркенова. – Текст: непосредственный // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем : сборник научных статей. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. – С. 185-191 (0,4 п.л.).

9. Эркенова А. Н. Репрезентанты компонентов исторической действительности как способ аргументативного воздействия в эпических текстах / А. Н. Эркенова. – Текст: непосредственный // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2024. – № 17-2. – С. 115-120 (0,4 п.л.).

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 18.12.2024

Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman/

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Уч.-изд. л. 1,43. Тираж 100. Заказ № 24030.

Отпечатано в ООО «Ставропольское издательство «Параграф»

ООО «Ставропольское издательство «Параграф»

г. Ставрополь, ул. Розы Люксембург, 57, к. 17

тел.: +7-928-339-48-78

www.paragraf.chat.ru